

ЗАМѢТКИ.

ПОЭТУ ИЛИ ЧИТАТЕЛЮ?

Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что недавно вышедшая книга г. Шульговскаго*) является въ настоящее время самымъ самоспомятымъ, полнымъ и неустарѣвшимъ трудомъ, посвященнымъ технической сторонѣ поэтического творчества. И потому нельзя не быть признательными его автору за восполненіе столь существеннаго пробѣла въ нашей литературѣ. Но, такъ какъ книга г. Шульговскаго вводитъ читателя въ изученіе стихосложенія съ самыхъ элементарныхъ его началъ, то, очевидно, она предназначена не для специалистовъ, а для лицъ, совершенно незнакомыхъ съ вопросомъ или знакомыхъ съ нимъ очень мало. Вотъ путь-то и возникаетъ вопросъ о томъ, какова цѣнность появленія этого труда. Другими словами: кому и зачѣмъ нужна книга о техническихъ началахъ стихосложенія?

«Сдѣлать человѣка поэтомъ никакая книга не въ состояніи. Можно изучить всѣ тайны творчества, но не сумѣть написать ни одного поэтического стиха. Для этого нуженъ особый даръ»,—признается въ предисловіи самъ авторъ. Въ этомъ, конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія. Еще совсѣмъ недавно литературнымъ кругамъ Москвы пришлось наблюдать прискорбное и поучительное зрѣлище: кружокъ молодыхъ людей занялся пристальнымъ изученіемъ стихопворнаго ритма. Сперва члены кружка прикрывались якобы исключительно теоретическимъ интересомъ къ вопросу, но затѣмъ мало-по-малу стали всплывать наружу томики стиховъ, столь же любопытныхъ въ ритмическомъ отношеніи, сколь и бездарныхъ. Среди «ритмистовъ» было два-три лица, обладавшихъ извѣстнымъ поэтическимъ дарованіемъ. Ихъ стихи послѣ занятій въ кружкѣ не стали ни лучше, ни хуже. За то тѣ, которые прежде возникновенія кружка вовсе не писали стиховъ, наводнили своими упражненіями цѣлое книгоиздательство. А такъ какъ стихи, повторяемъ, оказались изъ рукъ вонъ плохи, то лучше бы ихъ совсѣмъ не было, т.-е. лучше бы ихъ авторамъ не соблазнялись предполагаемой возможностью «сдѣлаться» поэтами.

Настоящій поэтъ не только умѣетъ писать стихи, но и умѣетъ съ ранняго возраста *читать* ихъ, и это чтеніе является для него лучшей школой. Еще не зная многихъ исключительныхъ особенностей стиха, не будучи знакомъ со специальной терминологіей,—настоящій поэтъ совершенно безсилень писать неграмотные стихи. Его ранніе опыты могутъ быть слабы по разнымъ причинамъ, но никогда не будутъ грѣшить противъ основныхъ законовъ стихосложенія. Нельзя быть поэтомъ, не любя поэзіи. Но нельзя любить поэзію, не ощущая, не угадывая природу стиха. Изученіе метра, рима, строфы рано или поздно дѣлается неизбѣжнымъ для всякаго поэта, но въ началѣ поприща онъ

*) Н. Н. Шульговскій. Теорія и практика поэтического творчества. Технические начала стихосложенія. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1914. Ц. 3 р.

пишетъ правильные стихи, не зная формальной разницы между хореемъ и ямбомъ. И больше того: для поэта даже в послѣдствіи книги, подобныя книгѣ г. Шульговскаго, болѣе полезны, какъ справочники, нежели, какъ учебники. Только его индивидуальныя склонности и особенности сдѣлаютъ изъ него самостоятельнаго, не похожаго на другихъ даже съ формальной стороны художника. Если же онъ не обладаетъ этими особенностями—онъ и не поэтъ. Поэтому можно сказать, что съ одной стороны никакое руководство не сдѣлаетъ поэтомъ того, у кого нѣтъ поэтического дара, а съ другой стороны—никакой поэтъ замѣчательный не сдѣлается благодаря учебнику еще болѣе замѣчательнымъ. Ему учебникъ иногда полезенъ и никогда не необходимъ. Быть можетъ, несоблюденіе формальныхъ требованій стихосложенія, а наоборотъ, легкія отклоненія отъ эпитихъ требованій характеризуютъ истинную индивидуальность художника. Послѣдняя ни въ чемъ не сказывается такъ опличительно и разнообразно, какъ въ ритмѣ, и именно потому новѣйшія ученія о стихотворномъ ритмѣ такъ далеко отходятъ отъ ученія о формальномъ метрѣ.

Безспорное достоинство книги г. Шульговскаго—ясность и обстоятельность изложенія, а также хорошее знакомство автора съ предметомъ. Единственный, но существенный упрекъ долженъ быть сдѣланъ за то, что г. Шульговскій вводитъ въ русскую метрику пэонъ, какъ самостоятельную стопу. Это влечетъ за собой рядъ необоснованныхъ и сбивчивыхъ утверженій. Было бы правильнѣе признатъ, что пэона *въ метрическомъ смыслѣ* не существуетъ въ русскомъ стихосложеніи, и лишь пользуются этимъ терминомъ для обозначенія извѣстныхъ *ритмическихъ* особенностей хорей и ямба. Самъ же г. Шульговскій признаетъ, что правильность пэона провѣряется наложеніемъ на него хорейской или ямбической схемы! Изъ приводимыхъ въ книгѣ двѣнадцати примѣровъ чистаго пэона ни одного нельзя признатъ удачнымъ, ибо во всѣхъ есть характерныя ямбическія или хорейскія стопы. Между тѣмъ, вся эта напрасно сбивающая неподготовленнаго читателя глава позволяетъ самому автору сдѣлатъ лишь одинъ выводъ: «прислушиваясь къ пэоническому ритму вообще, мы замѣчаемъ въ немъ одну характерную особенность. Эта послѣдняя заключается въ томъ, что на неударяемыхъ частяхъ стопы красиво и музыкально звучатъ цѣлыя слова, что, какъ мы видѣли раньше, при другихъ размѣрахъ недопустимо»... (Стр. 190—191). Но и это не вѣрно, такъ какъ стоить признатъ пэонъ лишь ритмической формой хорей или ямба—и окажется, что цѣлыя слова вовсе не стоятъ здѣсь на неударяемыхъ частяхъ стопы. Въ стихахъ Валерія Брюсова, приводимыхъ г. Шульговскимъ въ качествѣ примѣра, также не окажется такихъ явленій,—лишь только произвольно и съ натяжкой примѣняемую къ нимъ г. Шульговскимъ пэоническую схему.

Въ небѣ благость, въ небѣ радость, солнце лжетъ живую сладость,
солнцу вѣрность, солнцу вздохъ,—

мы замѣнимъ совершенно точной хорейской схемой:

Въ небѣ благость, въ небѣ радость, солнце лжетъ живую сладость,
солнцу вѣрность, солнцу вздохъ.

Поэтому всего проще и цѣлесообразнѣе и вѣрнѣе было бы здѣсь принятъ терминологию Андрея Бѣлаго (см. его статьи о ямбѣ въ книгѣ «Символизмъ») и, не выходя изъ предѣловъ ямба и хорей, считатьъ встрѣчающіеся въ нихъ пэоны лишь ритмическими особенностями.

Есть у г. Шульговскаго и болѣе мелкіе промахи, напр., утверждение будто «пяти-стопный ямбъ бываетъ болѣею частію не рифмованнымъ, хотя есть примѣры и обратнаго». Г. Шульговскій, можетъ быть, забылъ, что все-таки большинство сонетовъ пишется пятистопнымъ ямбомъ.

Все это, однако, не мѣшаетъ намъ признаться, что книга г. Шульговскаго, полезная, не необходимая для поэтовъ и совершенно необходимая читателямъ стиховъ. Въ обществѣ нашемъ распространена увѣренность, будто для писанія стиховъ не надо обладать никакими спеціальными познаніями, и еще хуже—будто ритмъ стиха, построение строфы и рима суть явленія случайныя, не имѣющіе никакого отношенія къ содержанию поэтического произведенія. Надо надѣяться, что книга г. Шульговскаго дойдетъ до такихъ читателей, и они поймутъ, что высокимъ образцамъ поэзіи свойственна не «гладкость» и не «легкость» стиха, ровно ничего не означающія, а глубокое, основанное на трудѣ и сложномъ изученіи, соответствіе формы и содержанія. Чтобы умѣть находить это соответствіе, необходимо быть знакомымъ съ теоріей стихосложенія.

Владиславъ Ходасевичъ.

ПИСЬМА БѢЛИНСКАГО.

Сами по себѣ письма Бѣлинскаго, собранныя, наконецъ, въ трехъ томахъ полно и тщательнo, не создаютъ литературнаго событія. Написанныя приязнательно, но вяло, лишеныя неожиданностей и яркихъ душевныхъ движеній, они не найдутъ широкаго круга читателей. Они интересны лишь для тѣхъ, кто, считая необходимымъ выяснитъ основы русской идейной культуры, не захотѣлъ бы принимать на вѣру перечень установленныя именъ. Въ сущности, ни одна цѣнность изъ русскаго прошлаго не можетъ считаться установленной,—въ искусственной, въ безвоздушной атмосферѣ утилитаризма происходило у насъ самое установление культурныхъ цѣнностей и принциповъ. Относительно каждаго имени оказывается неизбѣжнымъ продѣлывать сложную работу предварительной оцѣнки. До какой степени ничего здѣсь не установлено, явствуетъ изъ того, что до сихъ поръ находятся люди, которые именуютъ поэзіей стихи Надсона, которые говорятъ всерьезъ о системѣ мировоззрѣнія Бѣлинскаго. Если объ этомъ говорить, то письма Бѣлинскаго должны стать обязательнымъ чтеніемъ. Ихъ тягостныя страницы необходимо преодолѣть полностью и вполне откровенно спросить о томъ, въ какой идейной и стилистической средѣ протекало то культурное печеніе, которое недавно въ Россіи было единственнымъ. Мы имѣемъ въ виду, конечно, не только стиль въ узкомъ смыслѣ слова, но, главнымъ образомъ, стиль, какъ строй душевный.

Отвѣтъ по истинѣ удручающій даютъ эти письма. Самое тягостное въ нихъ выходитъ изъ рамокъ только литературной оцѣнки. Особенно письма Бѣлинскаго къ его невѣстѣ и женѣ, буквально оскорбительныя по своей обывательщинѣ, заставляли бы поставить вопросъ объ обликѣ Бѣлинскаго въ его цѣломъ. Такая постановка вопроса, конечно, незаконна, никто не призванъ судить и осуждать. Но даже ограничиваясь объективной, литературной оцѣнкой, не можешь уйти отъ этой личной стороны. Она постоянно вплетается во все писанія Бѣлинскаго, проникнутыя духомъ болѣного, недобрчиваго, подозрительнаго человѣка.

Его письма, взятыя въ цѣломъ, раскрываютъ нѣкоторую драму, не слишкомъ глубокую и сложную, во многомъ раньше всего обывательскую, и отъ этого, разумеется,